

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воскресните в моей памяти, леса дикие, угрюмые! Вы, ели, до небес восходящие, сосны темно-зеленые, вековые дщери Эстонии, тундры, блата непроходимые, – ныне вспоминаю вас! Тебя, мрачное Ульви, тебя, холм Авинормский, препоясанный извилистым ручьем, тебя, песчаный Неналь, тебя, Чудское бурное озеро! С берегов Невы, из пышных стен Петрополя, пренесенный младенцем на берега Пейпуса, вовеки не забуду градищ твоих, земля моих предков, твоего превобытного племени, обычаев, нравов, преданий твоих! Ни Рейн и скаты его, покрытые развалинами замков рыцарских, виноградниками, многолюдными градами и селениями, ни Кавказ, превосходящий Альпы высотой, убеленные вечными снегами, простирающий на юг Арагвский водопад и на север – водопад Терекский, ни сладостный Гурджистан [Грузия. – Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат автору.], ни Прованс, столь же сладостный, – не могли изгладить из моего воображения картин, поразивших меня в те лета, когда начинаешь чувствовать, но еще не понимаешь ни себя, ни мира, тебя окружающего.

Было время, когда сии пустынные места были еще пустынее, когда пасмурная природа Эстонии являлась еще пасмурнее, когда ее мощные обитатели не знали ни саксонского ига, ни кроткого учения Христова. Сохранились по сю пору сказания о сих веках независимости и силы. Тогда два кудесника, жрецы Юмалы [Юмала – Зевс чудских племен], жили здесь – один на холме Авинормском, другой в долине Майцма, у подножия оного. Соседи благоговели пред ними и страшились их; но их имена поглотило забвение. При захождении солнца, – говорит предание, – вставал кудесник авинормский, да затворит железные врата своего тына дубового, и скрип их слышался в долине; тогда майцмасский клеврет его вскакивал с ложа и спешил к своим вратам железным же.

Сих исполинов-волшебников давно уже не было. При исходе Тормских лесов в последний раз Адо и Сур, потомки их, еманды [Старшины] племен пейпусских, сражались с меченосцами и с латышами, их подручниками. Убальд-Логуз, ненавистный пришлец, и с ним Иксул, крещеный вождь леттов, жителей двинских, победили их.

Сур был стоптан конем Убальда; плененный, он отрекся от богов своего отечества. Сур стал называться Индриком. Убальд послал его в Ульви своим старостю (кубьясом); маймеса прозвали его Ульви-Графом, и самые саксы, издеваясь, нередко честили его тем же именем. Между тем рыцарь Логуз, наложив дань на племена пейпусские, оставив монаха в Торме и стражей латышских в окрестных селеньях, удалился в Ригу к епископу Альберту. Еманд Адо сражался с отчаянием раненого медведя в бою Тормском, сорвал трех меченосцев с коней их, вместе с частью черепа срубил шишак Мадиса, Иксулова брата, прорвался чрез густую толпу латышей, трепетавших его голосу, и, бродив три дня в дебрях и болотах, возвратился наконец в полночь в Майцму, в жилище свое.

Теперь он стоял среди мрака пред своим домом. Окликались караулы: то были летты, рабы саксонские. Луна прорвалась сквозь осенние тучи и осветила обиталища. Нож сверкал в руке еманда; он вслушался в безмолвие, устремил бдительный взор вдоль ручья; казалось, ожидал встречи, но не страшился ее. Вдруг позади, по хрупким листьям развенчанного бора, раздался шелест шагов, – он оглянулся и видит: сребренный шитец [По-эстонски: броц] блестит на груди девицы, бусы покрывают шею, черные волосы и ленты разноцветные развеваются по плечам ее. Он всматривается: так это Мая, это дочь его! "Ты ли предомной, злополучная? Как уцелела ты от руки врагов моих? Где твоя мать и братия?"

Мая. Родительница моя преселилась в дом Юмалы; младенцы, братья мои, за нею последовали: их кровь обогрела праг нашей хижины. Меня же исторг из среды убийц Нор, сын Сура, обрученный мой.

Адо. Да возьмет душу его Курат [Злой дух], мучитель предателей!

Почто не умел он сражаться с саксами в полях Тормских? – Но он не ведал о нашествии иноплеменников!

Мая. Уже через день после битвы вашей возвратился он из-за Пейпуса, из Новаграда Великого, куда, как знаешь, был послан отцом с добычей осенней